

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2013" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2013 года.

1 место

Конкурсное произведение [189. "Забывтый"](#)

А вас всё нет. Темнеют крыши,
Луну – и ту погрызли мыши,
И крошки звёзд шуршат всё тише...
Лишь темнота и маета.
Я вечно жду вас у порога.
Как не погладить хоть немного
Такого нежного, незлого,
Такого мягкого кота?

Как не вернуться в царство лени?
Когда вокруг ложились тени,
Меня вы брали на колени,
Шептали добрые слова.
Я – кот любовного касанья,
Я – кот счастливого урчанья,
И ловля снов – моё призванье,
Тех снов, где больше волшебства.

Но вы погладили другого, –
Ловца мышей, убийцу злого,
Кота хитрющего, худого,
Поймите, это – западня.
Он вас обидит. Встанет шёрстка,
Сверкнут глаза нежданно-жёстко,
За всё – кровавая полоска, –
Тогда вы вспомните меня.

Тот кот – коварный сын помоек.
Он душит крыс и землероек,
Кротов и глупых пёстрых соек,
А усмехнётся он – беда!
Он просто кот, и нот хрустальных,
Снов безмятежных, беспечальных,
Надежд и блёсток карнавальных
Не принесёт вам никогда.

2 место

Конкурсное произведение [116. "Реальность, прощай!"](#)

Как же я оказался на чердаке?

Вот картонный ящик с грецкими орехами -

я зачерпываю пригоршню плодов

и высыпаю их обратно, словно крошечные черепки.

И смотрю сквозь окно на дождливое недружелюбное небо,

небо похоже на мрачного полицейского,

вызывающе жуёт зубочистки деревьев,

надвинуло козырек горизонта на самые глаза.

Что я здесь делаю?

Прислоняюсь лбом к холодному, точно стетоскоп, стеклу,

и с жадностью созерцаю

кусочек еще теплого, еще не отброшенного мира

как ящерица, которая решила оглянуться на свой любимый хвостик,

прежде чем нажать на рычаг,

сократить необходимые мышцы. Реальность, прощай!

Что же я здесь делаю?

Медленно дотрагиваюсь языком до холодного стекла -

стекло горькое на вкус,

за годы пропиталось лунным светом.

Вот так устроена волшебная лампа Аладдина.

Но что я здесь делаю?

Время снежинками отслаивается от меня,

перхоть судьбы.

Я чувствую, как превращаюсь в воспоминание,

прошедшее застывает, словно холодец.

И бабочка, не испытав свободного полета,

вновь становится беспомощной куколкой,

узор морщится на крыльях и сворачивается, подобно вееру.

Еще мгновение и ничего, ничего не останется,

кроме отпечатка прохлады на лбу.

Лунная горечь во рту и пряный запах орехов...

3 место

Конкурсное произведение [42. "Минц"](#)

Дед Головань спускается в погреб каждый вечер,
по скользкой лестнице еле ползет со свечкой.

Тётка Марго стоит наверху, причитает:

"Вот безмозглый, лестница скользкая и крутая.

Что там не видел? Всё ведь одно и то же.
Выжил совсем из ума, помилуй, Боже".

Тётка Марго целый день в огороде, в саду, на кухне.
От многих забот голова тёткина пухнет.
То надо варенье сварить, то морковку удобрить.
А дед Головань каждый вечер спускается в погреб

Инесса лежит, ни о чем не думает, кроме
глупых рисунков в своём альбоме.

А дед Головань спускается в погреб и плачет:
"Иначе... Всё могло быть иначе.
Минц, ты слышишь меня, мой Минц?
Мой розовый гиацинт".
Прислонится к стене головой и плачет:
"Иначе... Могло быть иначе.
На что я всю жизнь истратил,
дядел".
Стучит головой и знает, там за стеною цинк.
"Минц, минц, мой розовый гиацинт,
ты слышишь меня, ты слышишь?"
Но в погребе только скребутся мыши.

Девка не хочет помочь, вместо этого сутками
рисует цветы да птиц с бирюзовыми грудками.
С утра до вечера дед сидит на скамейке
в ватных штанах, порванной телогрейке.
Забор покосился, картошка опять не прополота,
а старый дурак ходит в погреб, как будто там спрятано золото,
даже помои вылить не хочет,
а только бормочет, бормочет...
Тётка Марго по-английски не знает ни слова,
услышит и думает: " Бредит бездельник снова".
"Oh my mints, oh my mints, oh my dream and my sickness...
Откликнись!"

4 место

Конкурсное произведение [279. "Московское море"](#)

Когда этот мир выцветает, становится желто-серым,
она говорит «бывает», а он ей в ответ «наверно».

Она говорит «проходит», а он ей в ответ «наверно»,
и чинит свой пароходик на море, где-то под Тверью.

А ей и в Москве не скучно. Пока дождь танцует джигу,
на мягкой диванной суше она загорает с книгой.

Паркетные волны стонут, по ним проплывает бригам
бамбуковый чайный столик времён китайского ига.

Куда-то под Тверь с тревогой уносятся крики чаек -
они поделить не могут остатки печенья к чаю.

Она к середине пьесы не помнит, что там в начале
и думает: интересно, а как он по мне скучает?

В гостиной стихает ветер, запутавшись в длинной шторе.

А что он теперь ответит, причалив к ней в коридоре,
когда его пароходик, пускай на одном моторе,
вернется в тихие воды её Московского моря.

5 место

Конкурсное произведение [37. "Огородное"](#)

Три летних пишем, два в уме -
и вдруг ведут под руки белы:
напоминает о зиме
синюшный иней изабеллы,
за увяданьем прим и трупп
театр закрылся сложноцветный -
и попирает мокроступ
обрывки роскоши балетной.

Непересчитанных утят
осталось проводить в дорогу,
коль помидоры не хотят,
а огурцы уже не могут -
сопротивляясь всем ветрам,
висят над светом быстротечным,
подобно ёлочным шарам,

томаты, бурые навечно.

Из распелёнутых капуст
на мир взираешь по-иному:
напрасны дом, когда он пуст,
и путь, не приводящий к дому.
Куда не глянь — повсюду клин,
курлыча, следует за клином
на юг из наших палестин,
неизмеряемых аршином.

А мы останемся, а мы
заселим ненадолго гнёзда,
за приближением зимы
следя с обзорных точек роста,
не отводя ушей и глаз
от переменного пейзажа:
она разыщет — но не нас,
а злую жабу в камуфляже

и опечалится настоль,
что второпях уедет, мы же,
придя в знакомую юдоль,
вздохнём, как барин из Парижа,
и канем, всякий в свой предел,
дробя раскатисто и густо,
поскольку для великих дел
потребны аист и капуста.

6 место

Конкурсное произведение [87. " Last Post "](#)

Pro memoriam J.McCrae & A.Helmer

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы...

В. Жуковский

Копьями, бомбами, ядрами ли баллист –
мир добывает трупы. Боеприпасы
все подойдут. Какой бы артиллерист
соус ни выбрал, пушечным будет мясо.
Списки убитых в меню фронтовых газет
неукоснительно свежи; вот разве слабо
мелкий шрифт отпечатан, так их уж нет,
сто́ит ли чётче? Просто урок масштаба.

Азимутальной вилкой берёт буссоль
лакомый кус ландшафта. Обед военный.
Тихий пейзаж до нутра расцарапан вдоль
и поперёк трезубцами наступлений.
Тишь на позициях – это всего лишь вдох
перед зевотой смерти. Окопный бруствер
так же не в силах полусырой горох
тел уберечь, как мир не спасти искусству.

Тонко жужжат названья: шрапнель, картечь,
виккерс. Затвердевает воздуха панцирь.
Ставит флажки на западе маршал Френч,
и на востоке гнётся над картой канцлер.
Планы – в штабных вагонах, а на земле
круг повседневности задан другим калибром.
Пули – крупней шмелей, а поля в желе
из человечины превращены под Ипром.

«Что вы не спите, Хелмер?» – «А вы, Мак-Крей?»
«Сыро в траншее, и, знаете, мучит астма.
Вот допишу стишок и пойду.» – «Ей-ей,
мне не уснуть. Мы все здесь вроде балласта.» –
«Вы ещё молоды, Хелмер, вам жить да жить,
а отдыхать положено по уставу.
Полно, ложитесь. Вот поумерим прыть
бошей, и вы вернётесь в свою Оттаву.»

В месиве грязи преют тела солдат.
Тише ходи, часовой, что́ оружием звякать...
Пологом плащ-палатки укрыл закат
спящую на полях человечью мякоть.
Ближе к рассвету с востока приходит хмарь
матовой тучей, насквозь проникая в фибры,
жёлтым удушьем вея... Не дым, не гарь –
облако цвета горчицы плывёт над Ипром.

Нет ни свинца, ни молний в одышке туч.

Значит – пора домой? Позабыть атаки,
взрывы, окопы, цензуры штабной сургуч?..
Странно качаясь, спят полевые маки.
Взводы хрипят, эскадроны несутся вскачь.
Полупрозрачной походкой неуставною
по облакам шагая, идёт трубач,
в небо летит и играет сигнал отбоя.

7 место

Конкурсное произведение [89. "Мы ели ремонтантную малину..."](#)

Мы ели ремонтантную малину
в начале октября, у кромки леса.
Цвели дома элитные вдали, но
хатынки недовымершего племса
ещё убереглись, прижавшись к чаще,
хотя отгородиться не умели,
и потому ущерб несли всё чаще –
к примеру, мы малину нагло ели.

Под небом, полным томного сиянья,
не по сезону васильково-синим,
зелёная иллюзия слиянья
в растительных объятых яна с инем
царила, сколько в мыслях ни дели на
лазурь и золотую дань итога.
Жаль, этимологически малина
мала, и съели мы её немного
(поскольку щедрых обирать зазорно
и отдаляет душу от нирваны).
Зато у элитарных-зазаборных
мы нечто посерьёзнее урвали.

Пока они сражались за тарифы,
всеобщее наследство дерибаня,
нам зверь лисобарсук за две-три рифмы
стерёг поляну с белыми грибами.
Пока они на Фиджах и Мальдивах
гордились висцеральным ожиреньем,
нам все служили в этих рощах дивных –
кто пищей, кто ковром, кто ожерельем.

Под вечер солнце таяло устало –
малиновыми соками по венам –
и я тебе трёхсмысленно шептала:
мужчине важно быть проникновенным.
Ты был. Мы были – вместе, а не вместо,
и проникая, словно по ступеням –
хозяевами, гениями места,
лисой, и барсуком, и птичьим пенъем,
и даже теми, кто сказать могли нам,
что наша жизнь – по беззаконью жанра –
всего лишь ремонтантная малина,
и сами мы её съедаем жадно.

8 место

Конкурсное произведение [136. "Осень"](#)

Чем дольше веришь - тише слова молитв.
Светлее ночь. Размереннее строка.
Невероятно ярк осенний лист,
И растекается в рамке небес закат.

Из города - все дороги ведут к воде,
(Чем ближе дюны - пронзительней синева),
И в янтаре тает короткий день.
Всё - забывай. Намеренно - забывай!

Касается края воды золотой клубок,
Идешь, почти не касаясь седой земли....

И вдруг понимаешь, как равнодушен Бог.
И как - нечеловечески - справедлив.

9 место

Конкурсное произведение [195. "Случайное воспоминание"](#)

Дружба и пачка жвачек! Москва – Пхеньян!
Как примитивно всё было, но как душевно
Вовка дарил Серёге дырявый баян,
а тот ему – книжечку про Алтынай с Дюйшеном.

Велосипеды общие, скутера –
как бутерброды, ей-богу. Почти вчера.

Если шагать что есть мочи в ногу со временем,
надо уметь, избегая внутреннего искрения,
в мышь превращаться, в кошку или в слона –
да чтобы смычка швов не была видна.
Всё утончённо-грамотно разделено.
Вовка попросит Серёгу дать хоть бревно
в долг до весны, футболку пообещав –
тот отморозится, зная цену вещам.
Времени не найдёт, чтобы горстка сушёной мяты
кухню наполнила духом семидесятых.

Мне не нужны продавленные сиденья
лодок, в рулоны свёрнутых на чердаках.
Даже подобный хлам нынче стоит денег.
Даже меконий породистого щенка.
Мне дозвониться бы в лес с огромными кронами:
к чёрту предупреждения и плевать на роуминг.
Там они оба ещё в пионерском тонуше
клады по выселкам ищут – то есть мне
можно в сумку сгрести Благинину и Чарушина
и, не спрашивая проктолога, дуть туда,
где лимонными ливнями музыка без стыда
в дворовую сирень с грозовых облаков обрушена.

Открываю глаза, но всё ещё в алой примуле
дырки в халате гремящей вилками клуши.
Вовка с Серёгой меня в свой отряд не приняли –
простите нелепый жест. Я хотел как лучше.

10-е место член жюри принял решение не присуждать.

